чаи, когда рассказчик является носителем авторского слова). Функции «чужого слова» и степень его преображения различны в речи автора и героя.

Голос автора наиболее непосредственно звучит в литературно-критических статьях и рецензиях, а также в публицистических статьях и некоторых очерковых циклах, где отмечено обращение к таким басням Крылова, как «Пустынник и Медведь», «Осел и Соловей», «Лжец», «Обоз», «Ворона и Лисица», «Два Голубя», «Лягушка и Вол». Имя Крылова встречается в авторской речи лишь в двух произведениях: в рецензии на брошюру «О русской правде и польской кривде», где Крылов назван как автор басни «Пустынник и Медведь», и в рецензии на сборник Я. П. Полонского «Снопы», где разбирается аллегория «Ночь в Летнем саду», одним из действующих лиц которой оказывается ожившая статуя Крылова. Аллегория Полонского и отклик на нее Щедрина стали очередными репликами в том диалоге, который завязался между ними несколько ранее, в 1869 г., с выходом в свет двухтомного собрания сочинений Полонского и критическим отзывом на него Щедрина, учтенным Полонским в его поэтической аллегории. Ни имя, ни слово Крылова в этой рецензии не имеют для Щедрина какого-либо эстетического или идеологического значения и опосредованы содержанием «злосчастной фантазии» Полонского. Характеристика же Крылова, данная собственно от лица рецензента, не идет вразрез с объективной и общепризнанной его оценкой — «знаменитый баснописец».

Крыловское слово обычно вводится в форме цитаты или реминисценции и даже не всегда графически обозначается как «чужое». Излюбленное выражение Щедрина — цитата из басни «Ворона и Лисица»: «от радости в зобу дыханье сперло», которая используется как ироническая характеристика упований и вожделений, например, газеты «Русский листок»: ей «хочется, чтобы кто-нибудь об ней побеседовал. Во-первых, это послужит ей вместо объявления, а во-вторых, от радости у ней стеснится в зобу дыхание...» (5, 268). То же в очерке «Клевета» — в пассаже о глуповцах, с восторгом внимающих клевете: «Дыхание спирается от радости в их зобах; им сладко и жутко от этих рассказов» (3, 471). Крыловское слово органически усваивается новым текстом, устраняется видимая дистанция между «своим» и «чужим словом», и в таких случаях «заимствование» не всегда отмечается комментаторами.[10] Цитата из басни «Ворона и Лисица» возникает и в речи

[10] Не комментируются крыловские реминисценции из басни «Ворона и Лисица» в очерке «Клевета» (3, 471) и «Дневнике провинциала в Петербурге» (10, 299), а также реминисценция из басни «Петух и Жемчужное зерно» в «Письмах к тетеньке»: «Мы до такой степени восчувствовали, что нигде, кроме навозной кучи, уж и не чаем обрести жемчужное зерно» (14, 338).